

Н. В. Буров¹

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ. СОХРАНЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОГО МИРА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

История музеефикации культовых зданий — многогранная, деликатная и сложная. Охрана культурного наследия является постоянной темой научных дискуссий и публикаций. В конце XIX — начале XX века достаточно широко обсуждались вопросы музеефикации предметов церковного искусства. Не утратила актуальности эта тема и в наши дни.

В связи с развитием процессов глобализации, стремительными изменениями в социальной сфере остро стоит вопрос о сохранении ценностей, обеспечивающих самоидентификацию и преемственность личности и общества. В выполнении защитной функции чрезвычайно велика роль гуманитарных дисциплин. Их задача — защищать от разрушения ослабленные нравственные ценности, спасать от забвения накопленные человечеством ценности культуры.

¹ Директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор СПбГУП, доктор бизнес-администрирования, народный артист России, заслуженный деятель культуры Республики Польша. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Музей и личность», «Педагогическая культурология музейной деятельности», «Арт-педагогика», «Педагогика культурно-образовательной среды», «Культура созидания» (в соавт.). Председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза театральных деятелей России (2001–2005). Председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга (2005–2008). В 1974–2005 годах работал в театрах города. Снялся в фильмах: «Военная разведка. Первый удар», «Агент особого назначения», «Винтовая лестница», «Роман императора», «Жизнь и смерть Леньки Пантелеева», «Мастер и Маргарита», «Образ врага», «Свой-чужой» и др. Президент Международного фестиваля христианского кино «Невский благовест». Почетный академик Российской академии художеств. Награжден орденами Почета, Святого равноапостольного великого князя Владимира III степени Русской православной церкви, офицерским крестом ордена Заслуг перед Республикой Польша, медалями Жукова, «300 лет Российскому флоту», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», почетным знаком «За заслуги перед Санкт-Петербургом» и др.

Культурное наследие — совокупность предметов, явлений и духовных ценностей прошлого, сохранившихся в современной культуре и составляющих источник ее развития. Переход от использования наследия к его освоению — главная тенденция современного социокультурного развития. Усвоенная социумом культурная форма обретает свою духовную жизнь и способность воплотиться в новой форме культуры иного времени. Освоенное культурное наследие способствует объединению людей любой национальности и религии.

Степень овладения культурным наследием и его использования является одним из важнейших показателей культурного уровня общества. Сохранение историко-культурного наследия и его оптимальное использование в целях стабилизации развития общества и духовного развития человека становится объектом пристального внимания всего мирового сообщества. Человеческое мышление не может воспроизвести историю без учета знаний, накопленных благодаря многовековому опыту, одной из форм выражения которого являются музейные экспонаты. В этой ситуации памятники истории и культуры, находящиеся в музеях, приобретают особую значимость. Музей является посредником, необходимым звеном между человеком и культурной средой. Своими методами и средствами он доносит до индивида комплекс духовных ценностей, идей, эмоций, тем самым включая человека в культурно-исторический процесс.

А. В. Луначарский писал, что музей — это грандиозная памятная книга человечества, наиболее полно отражающая духовную жизнь общества, и суть музейной работы — возвышение человека.

Значительная часть ценностей истории и культуры, накопленных цивилизацией, сосредоточена в культовых сооружениях. В связи с огромным значением культовых зданий в духовном развитии человечества музеефикация материальных носителей информации (как прикладная и теоретическая дисциплина) о развитии цивилизации (в том числе памятников архитектуры, искусства, техники) не могла не коснуться проблемы их сохранения.

Музеефикация памятников, представляющих собой культовые сооружения, сопряжена с определенными трудностями. И государство, и церковь всегда были заинтересованы в строительстве, сохранении и широком использовании культовых сооружений. Однако светские и религиозные целевые установки на изначальную принадлежность этих сооружений, формы управления ими, их роль и место в жизни общества в зависимости от многих обстоятельств, как правило, различались и существенно менялись.

Для всех формаций человеческого общества было характерно стремление сосредоточивать ценности истории и культуры в культовых сооружениях. Храмы всегда имели особый статус, поскольку находились под покровительством сакральных сил, олицетворяющих ту или иную религию. Вероятно, отсюда возникла традиция сохранения в храмах наиболее ценных предметов. Культовые сооружения, как правило, были центрами общественной жизни, что отражалось и в их экстерьере, внутреннем убранстве, мерах охраны, ритуалах посещения и т. д.

Традиция музейного хранения культовых сооружений и утвари складывалась годами. Этот опыт нельзя отбросить в сторону без риска потерять значимую составляющую самого объекта хранения. Механическое привнесение музейного опыта в деятельность церкви на практике встречает два основных препятствия — экономическое и идеологическое. Церковь не может зарабатывать так же, как музей, в своей финансовой деятельности она обусловлена определенными традициями функционирования. Возникающая при этом нестабильность финансирования пагубно отражается на сохранности исторических памятников.

Конечно, каждый храм возводился как место для молитвы. Вместе с тем уже в Средние века сложилась традиция использования храмов в целях, которые могут показаться нецелевыми, но являются культурно и политически важными. Издревле соборы служили местом для проведения встреч, создания книг, хранения ценностей, обучения детей, помощи инвалидам. Изменение государственного строя повлекло за собой и изменение функции музея в обществе, в связи с чем иногда можно наблюдать интересный парадокс — в отдельных случаях музей может полностью сохранять исторически возложенные на его функции, но в основной части своей деятельности перестать быть церковным учреждением. Отнюдь не в силу идеологической диверсии, а просто потому, что изменилось само общество и его социальные институты.

Необходимо понимать, что многие храмы не могут использоваться по назначению просто потому, что до революции оно было другим, чем теперь. Мы уже

не видим разницы между летней и усадебной церквями, кафедральным и другими соборами и пр. Интерьеры тоже бывают разные: те, что в принципе не предназначены для служб в зимнее время; не предполагали присутствия большого числа верующих; формально относясь к сфере религиозного культа, выполняли функции государственного назначения. Поэтому возвращаться к истокам и сохранять традиции мы можем, только внимательно изучив их.

Отношение к религиозным объектам — зданиям, декору, утвари — как к наследию возникло в середине XIX века. И религиозные, и светские деятели осознали их историческую, а не только утилитарную ценность. В разных губерниях стали создаваться древлехранилища при церквях, причем многие из них не устарели от сбора нецерковных объектов. После революции 1917 года многие собрания вошли в коллекции новообразованных губернских музеев — чаще на правах отделов. Однако отделы христианской древности сами по себе в некоторых музеях существовали изначально, например в Оружейной палате, Историческом и Румянцевском музеях, а также в музее Академии художеств и Музее Александра III.

После октября 1917 года для многих бесценных памятников культового зодчества музеефикация стала единственным спасением.

Период 1917 — конца 1920-х годов ознаменовался процессами передела собственности, интенсивной музеефикации сотен зданий и сотен тысяч предметов, инициативами «снизу» и энтузиазмом. При создании музеев в монастырях и храмах основными целями были сохранение ценностей культового искусства и архитектуры, ознакомление с ними всех желающих. Практическую деятельность в этих музеях осуществляли, как правило, или специалисты с опытом работы в музейной сфере, приобретенным при прежней власти, или интеллигенты-энтузиасты, пришедшие в музейное дело после революции, но уже сформировавшиеся в личностном и профессиональном плане.

Особое значение для судеб многих культовых зданий имела Инструкция Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению от 3 января 1919 года (Революция и церковь. 1919. № 1. С. 30–31). Инструкция предписывала передачу государству всех культовых зданий, «имеющих историческое, художественное или археологическое значение», создание для этого специальных комиссий из представителей местного совдепа, Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению, Государственного контроля. В основном благодаря этой инструкции многие культовые здания были спасены от уничтожения. Так, по данным Народного комиссариата юстиции, из 890 монастырей, существовавших до революции, к 1920 году было ликвидировано 673.

Автор единственной в предвоенные годы серьезной монографии по музейному делу Ф. И. Шмит (с 1908 по 1924 г. заведовавший крупными музеями) писал: «...музеи суть не хранилища вещей, а учреждения, где показываются те или иные вещи, имеющие просвети-

тельное значение». На протяжении многих десятилетий именно этот тезис решал судьбы музеев-храмов.

В апреле 1929 года вышло постановление ВЦИК «О религиозных объединениях», предопределившее участь многих храмов. К тому времени «первичная» музеефикация многих ценных зданий, в том числе культовых, в основном была завершена, большая часть ценностей, которые можно было спасти от уничтожения, уже музеефицирована. Сформировалась и развивалась единая государственная система охраны культурных ценностей и управления музеями.

В начале 1930-х годов судьба культовых зданий, в том числе музеефицированных, в печати и литературе по музейному делу обсуждалась мало (в основном в заметках о закрытии и сносе зданий). В предвоенное десятилетие эта проблема почти не освещалась, встречаются лишь разрозненные цифры и факты. Например, за пять месяцев 1932 года в Исаакиевском соборе (тогда — в Государственном антирелигиозном музее) побывало 246 тыс. человек, тогда как в Эрмитаже, Музее революции и Русском музее посетителей было в два-три раза меньше.

В начале и середине 1940-х годов на фоне разрушенных в годы войны исторических зданий и грандиозных задач по их воссозданию судьба памятников культовой архитектуры была не на первом месте (их не торопились восстанавливать, но уже и не уничтожали).

С конца 1940-х до середины 1980-х годов проблемы, связанные с немногочисленными музеями-храмами, не выходят на передний план среди задач, стоящих перед советскими музеями. Музеи в храмах и монастырях являются или историко-художественными, или краеведческими, или входят в состав крупных музейных комплексов. С конца 1980-х годов музеями остаются лишь немногие, наиболее ценные в историческом и художественном плане культовые здания. В них, как и в аналогичных зарубежных учреждениях, мирно сосуществуют музей и храм.

Проведенные еще в 1920-е годы социологические исследования показали, что основную информацию посетители музеев-храмов получают главным образом от сотрудников музея. Именно представленный специалистом музейный предмет становится наиболее запоминающимся носителем информации. В музее культового искусства экскурсия обращена к высшим нравственным ценностям, воздействует на ценностные ориентации, личность посетителя.

Расположение музея в культовом сооружении априори может вызвать ряд вопросов. С одной стороны, речь идет о верующих людях, для которых наличие «светских мотивов» в деятельности музея может создавать дискомфорт в поклонении святыням. С другой стороны, для светского человека посещение музея-храма имеет в первую очередь эстетическое и интеллектуальное удовольствие и лишь в некоторых случаях — приобщение к религиозному опыту и традициям. В связи с этим музей-храм может выступать как посредник в приобщении к духовному опыту. В то же время наиболее радикально настроенными представителями церкви это посредничество иногда восприни-

мается как поругание. Возникает вопрос: не проще ли было бы прекратить дискуссии раз и навсегда, предложив церкви самой заботиться о православных святынях? Безусловно, в таком случае возникает риск принятия поспешного (и однозначного) решения.

Даже если не учитывать многочисленные правовые вопросы, поскольку далеко не все здания и предметы религиозных культов принадлежали соответствующим религиозным организациям, проблема не будет иметь однозначного решения. К сожалению, как показывает практика, здания, иконы и церковная утварь в действующих храмах далеко не всегда сохраняются наилучшим образом. Не во всех действующих соборах созданы условия безопасности памятников церковного искусства. Л. М. Воронцова по этому поводу отмечает: «Не случайно волна краж произведений древнерусского искусства, начиная с 60-х годов и до настоящего времени, коснулась прежде всего закрытых, а затем и действующих церквей. Среди огромной массы культовых произведений, конфискованных в последнее время на границе, значительную часть составляют вещи из действующих храмов. Конечно, нельзя сказать, что музеи полностью застрахованы от краж и порчи произведений искусства, но все же в целом гарантий безопасности и сохранности исторических и художественных ценностей в них гораздо больше».

Качественная реставрация памятника должна носить плановый и научно обоснованный характер. Что же касается мировоззренческой составляющей, то нет никакой связи между профессионализмом музейщика и его конфессиональной принадлежностью. Отсюда вывод о необходимости проведения экспертиз и соблюдения индивидуального подхода к каждому конкретному объекту музейно-культового сохранения.

В Новейшее время возрождение епархиальных музеев часто носит сомнительный характер, поскольку коллекции формируются за счет отчуждения коллекций у светских музеев. Так выхолащивается суть музейной деятельности — спасти и сохранить то, что можно спасти. Это противоположно атеистическому уничтожению и ни в коей мере не является формой гонения на церковь как институцию. Музей в этом смысле не наследует большевизму.

В наше время важнейшим условием сохранения шедевров культового искусства и их использования в деле нравственно-эстетического и историко-патриотического воспитания стало взаимообогащающее сотрудничество музея и церкви.

Немало сделано в этом направлении Третьяковской галереей, музеем Московского Кремля, музейными учреждениями и православной епархией центральных областей России, Смоленской, Вологодской областей и иных регионов, где исторически сложилась богатейшая инфраструктура культовых сооружений.

Сама суть музея культового искусства предполагает объединение усилий музея и духовных властей в решении единых задач просвещения и воспитания населения (ведь цель любого музея — просвещение как можно большего количества людей). Можно сказать, что формула «музей-храм» позволяла гражданину атеистического государства погрузиться в пространство духов-

ного. Сакральное появляется в физическом пространстве не из-за указания «сверху» считать определенное место святым, а в силу субъективного восприятия.

Придя в музей-храм, музей-собор, верующий человек продолжает придерживаться своей позиции, а неверующий, приобщенный в музее к библейским и евангельским сюжетам, почувствовавший их величие и эмоциональный настрой, может обратиться к истории церкви и в конечном счете прийти к религии.

Мы не противопоставляем историю искусства и посещение музеев участию в религиозных обрядах и почитанию священных образов. Культура (искусство светское или церковное, народное или элитарное) является для верующих, агностиков, атеистов общим достоянием, сохранение которого одинаково важно для всех.

Обеспечение полноценного бытия памятника архитектуры требует обязательного включения его в сферу активных общественных структур. Это предполагает необходимость интерпретации как способа включения памятника в живую ткань культуры.

Одной из причин конфронтации музеев и церкви на рубеже 1990-х годов стала насильственная национализация православных церквей в 1920-е годы. Храм, ставший музеем, или музей, в который входят как в храм, — эти понятия тесно переплелись. К сожалению, сегодня возвращение храмов церкви происходит без должной подготовки, поспешно, не всегда

до конца обдуманно, без учета конкретных условий и, самое главное, интересов сохранения храмов-памятников, что приводит к утрате культурного наследия нашей страны.

В настоящее время проблема охраны и использования памятников истории и культуры решается посредством музеефикации как одной из признанных форм его сохранения. В процессе музеефикации достигается наиболее полная консервация культовых сооружений и находящихся в них предметов; исключаются какие-либо изменения в сохраняемом памятнике; проводится описание сохранности материалов, даются рекомендации по научной реставрации, в научный оборот вводится разнообразная информация.

Литература

1. *Музыченко О. В.* О функциях памятника архитектуры в современной социалистической культуре / О. В. Музыченко // IV Московские философские чтения молодых ученых. — М., 1986. — Вып. 3. — С. 131–133.
2. *Нагорский Н. В.* От конфронтации — к сотрудничеству музея и церкви / Н. В. Нагорский. — СПб., 2005. — 36 с.
3. *Павлова Н. Н.* Монастыри и музеи. Исторический экскурс в поисках моделей освоения историко-культурного наследия / Н. Н. Павлова. — М., 1991.
4. Проблемы сохранения церковного наследия : сб. ст. / под ред. М. Б. Пиотровского, М. Н. Цветаевой. — СПб., 2010. — 262 с.
5. *Руцевский М.* Международный совет музеев (ИКОМ) / М. Руцевский. 1966.